

УДК 330.858
ББК 65.02(0)53-215
DOI [10.17150/2308-2588.2015.16\(1\).7-21](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16(1).7-21)

В. А. Щеголевский
*Российский экономический университет
им. Г. В. Плеханова,
г. Москва, Российская Федерация*

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА В НОВОМ ОСМЫСЛЕНИИ

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблемам познания марксизма как части интеллектуального наследия XIX в. Марксизм в статье рассматривается через призму общего движения экономической мысли конца XVIII – первой половины XIX вв., когда только вырабатывался метод экономической науки. В этом смысле марксизм, как доказывает автор, явился отклонением от традиционно принятых ранее путей развития методологии экономической науки. Марксизм, как убежден автор, стал строить фундамент анализа социально-экономического развития человечества на спорных антропологических гипотезах.

Ключевые слова. Марксизм, методология экономической науки, классическая политическая экономия.

V. A. Shchegolevsky
*Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russian Federation*

THE SCIENTIFIC HERITAGE OF K. MARX AND F. ENGELS: A NEW UNDERSTANDING

Abstract. This article is devoted to the problems of over thinking the Marxism as a part of the intellectual heritage of the Nineteenth century. Marxism in the article is regarded through the prism of the General movement of economic thought during the late XVIII – thirist half

XIX centuries, when a method of economic science was starting. In this sense, Marxism, as is proved by the author, was an avert from traditionally accepted ways of development of methodology of economic science. Marxism, as author writes, had started to build the Foundation of the own analysis of the socio-economic development of mankind on unscientific anthropological hypotheses.

Keywords. Marxism, the methodology of economic science, classical political economy.

Введение

Интеллектуальное наследие К. Маркса десятилетиями интенсивно изучалось в России. Тем не менее, считаем не только возможным, но и актуальным вновь привлечь к нему внимание, поскольку полагаем, что оно неверно преподносится в современном российском научном «мэйнстриме» как часть классической политической экономии. Мы намерены показать, что в основах марксизма не всё соответствует классической политической экономии. Что касается добавленной стоимости, то эта теория, хотя и вытекает из построений классической политической экономии, на деле не является стержневой в учении К. Маркса и Ф. Энгельса. Последние выводили свою теорию не из экономического содержания социальных отношений, а из антропологии и биологических процессов, в первую очередь порождаемых либидо мотивами и связями в социальных группах, на базе которых возникла частная собственность как механизм запуска формирования классового общества. Тогда как у А. Смита таким механизмом эволюции социума выступает врожденная склонность к обмену, создавшая на заре истории человечества специализацию и разделение труда.

А. Смит, не отрицая насилие как инструмент распределения национального богатства, все-таки не считал его фактором созидательного прогресса; в философии же марксизма мы видим обратное: наси-

лие выступает фактором созидания и организации экономических систем на различных этапах развития человечества. В этой связи К. Маркс ближе к Ф. Листу, хотя последний рассматривал насилие как переходящую форму отношений между нациями, которая должна отмереть по мере развития экономической интеграции между народами. Как и А. Смит, Ф. Лист шел от специализации труда и его разделения к образованию сложного общества глобального товарообмена [2, с. 74–76], ставя на первое место в экономическом развитии торговлю и институты, обеспечивающие товарообмен, и в этом смысле даже превзошел А. Смита, который все-таки торговле отводил не такое первостепенное значение.

А. Смит ушел от изучения экономики как целостной системы, с чего начал, к вопросам функционирования отдельных хозяйствующих субъектов. К. Маркс выбрал иной путь: от антропологии человека (хотя, как мы увидим ниже, он смешал человеческую сущность с императивами поведения человекообразной обезьяны) к отдельным формам организации социума и далее к способам производства, которые должны быть для всех хозяйствующих субъектов, так как универсальны на том или ином этапе развития закона социума. Но наиболее универсальным является у К. Маркса и Ф. Энгельса закон частной собственности: он проходит через все исторические эпохи развития человечества, так как начало осмысленной истории человечества у Ф. Энгельса совпадает по времени с разложением семьи.

Марксизм имеет в своем основании одно важное методологическое противоречие: теория добавленной стоимости базируется на теориях А. Смита и Д. Рикардо, создававшимися для борьбы, как они считали, с пережитками феодализма и не имевшими ничего общего с социалистическими идеями. Корни философии экономики А. Смита уходят в воззрения мыслите-

лей Позднего Ренессанса и Просвещения, для которых рационализм человека не вызывает сомнений, так как дан ему Богом и не может нанести вред другому человеку, поскольку божественное начало в человеке не может вести к греху.

Основополагающие законы марксизма: новая интерпретация

По Марксу, любая общественная система должна постоянно расти, переходя от одной стадии к другой, то есть, от формации к формации; движение общества у А. Смита также поступательно, оба мыслителя жили в эпоху высокой динамики капитализма, что и отразилось на их мировоззрении. Оба выросли в системе религиозных ценностей, где имела место идея апокалипсиса, как конца всего сущего, соответственно, каждая стадия развития должна пережить свой апокалипсис после бурного роста, подобно тому, как христианским мыслителям древности и средневековья представлялась судьба античной цивилизации.

Если у Адама Смита феодальное землевладение появилось в результате насилия во времена варварской Европы, то у Маркса накопление капитала строилось по той же схеме, только в условиях распада феодального общества. Смит вывел через модную в Европе XVIII в. концепцию насильственного построения феодального общества земельную аристократию в разряд паразитического сегмента общества, Маркс сделал то же самое в отношении предпринимателей.

Если для Адама Смита, Анри Сен-Симона, который фактически и явился автором концепции классового деления общества, Жан-Жака Руссо и других проблема социальной несправедливости лежала в плоскости проблем распределения власти в социуме, то, по Марксу, эта проблема оказалась в сфере распределения собственности и наследования собственности.

Восток в древности был более экономически развит, нежели Западная Европа, где несколько веков широко практиковался труд рабов. Теория формаций К. Маркса не объясняет этот феномен. Если азиатский способ производства менее прогрессивен, чем построенная на рабском труде экономика (рабовладельческая формация), то Запад должен был сильно оторваться в развитии от Востока еще в древние эпохи, чего, однако, мы не видим [1].

Политическая экономия 1820–1830 гг., *в принципе, дала общие объяснения феномена Запада в постфеодальный период, это – рост интеллектуализации труда, включая и управление активами, если говорить современным языком.* Однако К. Маркс отнес авторов, разделявших эту позицию, в первую очередь Ж.-Б. Сэя, к разряду «вульгарной политической экономии», продолжая работать с методологическими базами Г. Гегеля и Д. Рикардо, в меньшей степени А. Смита, который, кстати, оказался близок к той самой «вульгарной политической экономии».

Страх у интеллектуалов перед теорией Рикардо усилился в 1848 г., что было связано с восстанием рабочих в Париже. Тогда же появилась знаменитая работа Ф. Бастии, в которой капитализм был представлен как гармоничная система, о чем, собственно, ранее писал Сэй. Как считает ряд современных исследователей, историческая школа в Германии возникла как ответ на революции 1848 г., которые, как считали тогда в Европе, были во многом спровоцированы теорией Д. Рикардо [4]. В этой связи теория К. Маркса была ответом на контрреволюционные идеи «гармонии интересов».

Несмотря на то, что теория Д. Рикардо говорит об асимметрии в распределении доходов между трудом и капиталом как о норме капиталистического способа производства, в идеале получается, что симметрия в обмене возможна, если мы уберем фактор эксплуатации человека человеком. Положение *симметрии* обме-

на *в идеале* базируется на теории А. Смита, где обмен изначально носит эквивалентный характер, и каждый фактор производства полностью возмещается. Однако, как мы полагаем, эта концептуальная идея Смита является следствием религиозных рассуждений в духе философии Просвещения.

Идея природного равенства индивидов, откуда и следует равноправный, или эквивалентный, обмен есть утопия, продиктованная школой естественного права и религиозной философией Дж. Локка. К. Маркс об этом, вероятнее всего, догадывался, поэтому изначально искал истоки неравенства в обществе, в самой природе цивилизации, понятие, которое он подменил термином «классовое общество». В основу генезиса классового общества, или цивилизации, хотя марксисты этот термин не принимают до сих пор, К. Марксом было положено насилие.

Из идеи насилия как источника классового общества вытекает другое противоречие теории Маркса. Если насилие лежит в основе каждой формации, создавая условия неравенства между индивидами, то почему, спрашивается, к такому же результату не может привести и пролетарская революция? Что помешает победившему пролетариату присвоить себе собственность и власть и создать из побежденных тех же самых эксплуатируемых? Ответ на этот вопрос содержится, впрочем, в теории К. Маркса — гомогенность и многочисленность пролетариата. Однако социальная гомогенность есть свойство чисто теоретическое, поэтому в результате революции наиболее политически активное ядро пролетариата не будет ничем ограничено, чтобы не повторить то, что уже делалось ранее, — генезис классового неравенства через насилие.

Обнищание и деградация трудящихся как следствие развития капитализма представлялось многим мыслителям одной из важнейших черт социально-экономического развития XIX в. Этот тезис стал первым и

главным камнем в фундаменте теории Маркса, но в то же время он является самым уязвимым, как мы увидим ниже, в этой теории.

Анализ древних и примитивных обществ, проведенный Марксом, как ему казалось, доказал преходящий характер общественных отношений. Но данный вывод Маркса находился в ключе позитивизма, который так и не объяснил до конца ни происхождение человеческого общества, ни ранние законы общественных отношений. Разрушение идеи о преходящей сущности общественных законов разрушает и идею о дихотомии рынка и иерархических структур, в которой рынок в итоге побеждает. Иерархия средневекового общества, построенная на насилии и создавшая, если верить А. Смиту, частную собственность уже индустриальной эпохи, должна была быть сметена, по Марксу, системой производства, основанной на свободном труде. Столь масштабная конструкция, как капитализм, по Марксу, держалась на всего одной связке — свободный труд и капитал.

Но при этом Маркс не дает определений ни рынку, ни фирме, последняя у него вообще отсутствует и заменена в духе классической политической экономии понятием капиталист. К. Маркс, вслед за Д. Рикардо, строит свою модель капиталистического мира, опираясь на идею бесконечного стремления предпринимателя к получению прибыли, капитал создает новый капитал. Не совсем понятно, почему Маркс слепо поверил в бесконечный рост капитала, стремление к максимизации прибыли до безграничных пределов появилась у биржевых спекулянтов в конце XIX в., но производства это, в принципе, не касалось. Фермер прекрасно понимает, что возможности находящихся в его распоряжении факторов производства ограничены. Чтобы обработать дополнительные гектары земли, ему необходима новая техника, возможности которой также ограничены, но, самое главное, ему требуется

время: человек или большая группа людей не могут работать 24 часа в сутки. Существенным ограничением производства и роста капитала является рынок, тот же фермер не будет производить больше того, что он сбудет на рынке. Но рынок в теории Маркса не играет большой роли, главное для него — производство.

Обратимся к проблеме преходящих и постоянных законов человеческого общества. Главный из них в контексте теории Маркса — право на частную собственность. Марксизм отрицает наличие частной собственности в доклассовом обществе. Именно на разделении развития производственных отношений на два больших периода — доисторического, или доклассового, и классового, или исторического, или цивилизационного, и построен философский аппарат социально-экономического развития в теории К. Маркса.

Фридрих Энгельс писал по поводу возникновения частной собственности в древности: «Право отдельных лиц на владение земельными парцеллами, представленными им первоначально родом или племенем, упрочилось теперь настолько, что эти парцеллы стали принадлежать им на правах наследственной собственности» [3, с. 167]. По поводу высказывания Энгельса возникают вопросы: почему данный процесс происходил синхронно даже в рамках Балканского полуострова и почему он там так и не завершился повсеместно к эпохе классической Греции?

Генезис частной собственности Ф. Энгельс связывал с возникновением семейной общины, то есть, кровнородственного коллектива, в основе которого находится семейная пара. Такое видение генезиса частной собственности через образование большой семьи привязывалось марксистами к конкретным историческим эпохам, когда человечество уже перешло в историческое развитие. В доисторический период человечество не имело семьи и, соответственно, частной собственности. Опровергнуть либо доказать это утверждение,

в принципе, было невозможно на том «младенческом» этапе развития этнографии и антропологии, каковой те переживали в XIX в.

Представления Ф. Энгельса о доисторическом прошлом имели слабый научный даже для его времени уровень. Например, он пишет: «Низшая ступень. Детство человеческого рода. Люди находились еще в местах своего первоначального пребывания, в тропических или субтропических лесах. Они жили, по крайней мере частью, на деревьях; только этим и можно объяснить их существование среди крупных хищных зверей. Пищей служили им плоды, орехи, коренья; главное достижение этого периода — возникновение членораздельной речи. Из всех народов, ставших известными в исторический период, уже ни один не находился в этом первобытном состоянии. И хотя оно длилось, вероятно, много тысячелетий, доказать его существование на основании прямых свидетельств мы не можем; но, признав происхождение человека из царства животных, необходимо допустить такое переходное состояние» [3, с. 28–29]. Из приведенных строк следует, что один из основателей научного марксизма не отделял человека от человекообразной обезьяны. Кроме того, он даже не знал, что некоторые виды обезьян живут в саванне, где нет деревьев, но есть крупные хищники, в XIX в. эти вещи были хорошо известны образованным людям. Энгельс даже не понимал, что у обезьян нет даже намека на появление членораздельной речи. Далее, Ф. Энгельс пишет, что его мнение о первобытном человечестве, точнее о его начале, справедливо, если *предположить*, что человек произошел из животного мира, соответственно, один из основателей марксизма здесь предполагает, а не утверждает, хотя уже появилась теория происхождения видов Чарльза Дарвина.

Далее, описывая начало развития человечества, Энгельс уходит в рассуждения: «Средняя ступень. На-

чинается с введения рыбной пищи (куда мы относим также раков, моллюсков и других водяных животных) и с применения огня. То и другое взаимно связано, так как рыбная пища делается вполне пригодной к употреблению лишь благодаря огню» [3, с. 29]. Моллюсков и раков можно есть сырыми, что делают некоторые млекопитающие. Если человек вышел из животного мира, то на ранних ступенях своего развития он мог усваивать пищу без кулинарной обработки, что имело место даже у некоторых народностей древности – то же самое сыроядение в Индокитае, и это было хорошо известно образованным людям времен Энгельса.

Логика К. Маркса и Ф. Энгельса, когда они связывают возникновение частной собственности с семьей, достаточно проста: если форма семьи постоянно меняется по мере эволюции общества, то и формы собственности тоже должны меняться. При этом Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» большую часть изложения посвящает проблеме эволюции форм брака у разных народов, слабо связывая собственность непосредственно с хозяйственной необходимостью. Кроме того, Энгельс вступает в дискуссию с современными ему антропологами, отставивая точку зрения, что приматы обладают полигамией. Он пишет: «Если же мы ограничимся млекопитающими животными, то найдем здесь все формы половой жизни – неупорядоченные отношения, подобие группового брака, многоженство, единобрачие; недостает только многомужества, до которого могли прийти только люди. Даже у наших ближайших родственников, четвероруких, обнаруживаются все возможные разновидности группировок самцов и самок; если же взять еще более узкие рамки и рассмотреть лишь четыре рода человекообразных обезьян, то тут Летурно в состоянии только сказать, что у них встречается то моногамия, то полигамия, между тем как Соссюр, согласно Жиро-Тёлону, утверждает, что они моногамны.

Новейшие утверждения Вестермарка ("История человеческого брака", Лондон, 1891) о моногамии у человекообразных обезьян также еще далеко не могут служить доказательствами» [3, с. 38].

Полемика Ф. Энгельса с антропологами

Обладая некоторыми познаниями в антропологии, Ф. Энгельс полемизирует со специалистами в данной области, нередко противореча самому себе. Он пишет о полном разнообразии форм половых отношений у млекопитающих, но при этом говорит, что «недостает только многожества, до которого могли прийти только люди», хотя, если отношения многообразны, то должно быть и многожество, поскольку млекопитающие не знают патриархата. Да и само понятие «многожество» относится к отношениям между людьми в рамках уже сложившегося института брака. Энгельс, таким образом, смешивает понятия брака и половых отношений, то есть, социального института и социобиологических процессов вида, впрочем, межвидовые различия в его, если так можно выразиться, антропологическом анализе не играют существенной роли, отсюда неразумная жизнь проточеловечества у него смешивается с жизнью *homo sapiens*

Несмотря на то, что Энгельс считает, что у млекопитающих распространено полное разнообразие половых отношений, он, тем не менее, рассматривает склонность самцов к монополюльному праву на самку фактором конституирующим организацию особей. По этому поводу он пишет, что «...хотя сообщества животных и имеют известную ценность для ретроспективных умозаключений относительно сообществ людей, но эта ценность только негативная. У высших позвоночных животных известны, насколько мы знаем, лишь две формы семьи: многоженство и сожительство отдельными парами; в обоих случаях допускается лишь один взрослый самец, лишь один супруг. Рев-

ность самца, одновременно скрепляющая и ограничивающая семью животных, приводит ее в противоречие со стадом; из-за этой ревности стадо, более высокая форма общения, в одних случаях прекращает свое существование, в других утрачивает сплоченность или распадается на время течки, а в лучшем случае задерживается в своем дальнейшем развитии» [3, с. 39]. Биологам уже во времена Энгельса было известно, что млекопитающие объединяются во временные сезонные группы, что продиктовано климатическими условиями той или иной экологической ниши, но никак не ревностью самцов. Например, волки объединяются в стаи зимой, иначе они просто не смогут выжить. Весной же их стаи распадаются на моногамные «семьи», что обусловлено отсутствием необходимости в сохранении стаи, а также невозможностью ее сохранения из-за наличия маленьких щенков, которые просто не могут мигрировать за взрослыми, тем более, самки должны постоянно находиться при потомстве на протяжении первых недель жизни щенков. Грубо говоря, Энгельс все время уходит от проблемы, условно говоря, экономической целесообразности к сексу.

Далее, Энгельс утверждает, что человек изначально не знал объединений в крупные стада, пока у самцов действовала животная ревность. Он пишет: «Ведь взаимная терпимость взрослых самцов, отсутствие ревности были первым условием для образования таких более крупных и долговечных групп, в среде которых только и могло совершиться превращение животного в человека» [3, с. 40]. Но, если человек как-то до этого многие тысячелетия выживал в малых кровнородственных коллективах, то почему вдруг ему понадобилось создавать стада. И конституирующим началом общества опять-таки у Энгельса в отношении раннего человеческого общества выступает мужское сексуальное поведение, а не хозяйственная целесообразность.

Очевидно, физическая сила гориллы, вид, который Энгельс противопоставляет человеку, позволяла ей выживать в условиях Африки, но в таком случае человек и его ближайшие предки обладали склонностью к созданию крупных или относительно крупных для млекопитающих коллективов, как это делают ближайшие родственники человека — шимпанзе. У которых, кстати, уже имеет место моногамия, при слабо выраженной агрессивности в поведении самцов, хотя последняя и не исключает первой.

Животной моногамии — полигамные отношения в животном мире Энгельс напрочь отсеивает, но не как отсутствующие в реальности, а как противоречащие его теории — один из основателей марксизма противопоставляет, так называемый, групповой брак в человеческом сообществе. Брак, при котором все мужчины в коллективе имеют право на всех женщин в коллективе, что обеспечивает единство общины, так как самцы не испытывают ревности. При этом остается открытым вопрос, почему эволюционный путь человечества не принял вектор в сторону гориллы, которая более адаптирована к природе, а пошел в сторону коллективистского существа, не способного выживать в дикой природе в одиночку или в масштабах малых коллективов? Ф. Энгельс, в принципе, над этим вопросом не задумывался, хотя уже имел в распоряжении теорию эволюции Дарвина, которую высоко ценил сам К. Маркс.

Заключение

Ф. Энгельс жестко привязал моногамию к частной собственности: «Но мы идем навстречу общественному перевороту, когда существовавшие до сих пор экономические основы моногамии столь же неминуемо исчезнут, как и основы ее дополнения — проституции. Моногамия возникла вследствие сосредоточения больших богатств в одних руках, — притом в руках мужчи-

ны, — и из потребности передать эти богатства по наследству детям именно этого мужчины, а не кого-либо другого» [3, с. 78]. Таким образом, проблема собственности, как мы уже говорили выше, у классиков марксизма не связана ни с экономическими условиями, ни с принятыми в обществе стратегиями продолжения рода, ни с принципами генетического отбора в социуме, ни с получением индивидом конкурентных преимуществ перед другими. Даже у шимпанзе, например, популярность самца в стаде определяется тем, сколько плодов он может собрать за день, что в целом присуще многим видам млекопитающих и здесь, очевидно, человек очень схож с приматами. Проблема частной собственности утопает в нагромождении данных о формах сексуальных отношений между мужчиной и женщиной у разных народов.

Подводя итоги можно сказать, что теория К. Маркса и Ф. Энгельса, являясь немалым вкладом в науку, должна рассматриваться как теория, ряд положений которой имеет спорный научный характер. Однако история марксизма и его оппонентов из лагеря либерально-консервативных экономистов и социологов указывает нам на то, что экономическая теория в своей основе является сильно политизированной наукой уже в своих истоках. Изменить эту ситуацию не в состоянии и междисциплинарный синтез, широко примененный уже К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Список использованной литературы

1. Андерсон П. Переходы от античности к феодализму / П. Андерсон ; пер. с англ. — М. : ИД «Территория будущего», 2007. — 288 с.
2. Попов Г. Г. Национальное экономическое развитие в условиях глобализации: Фридрих Лист vs классическая школа / Г. Г. Попов // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — 2007. — Т. 5, № 4. — С. 71–85.
3. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Мор-

гана // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — М. : Гос. изд. полит. лит., 1961. — Т. 21. — С. 23-178.

4. Grossman H. Marx, classical economic, and the problem of dynamics / H. Grossman // International Journal of Political Economy. — 2007. — No. 2. — P. 6-83.

Информация об авторе

Щеголевский Валентин Александрович — кандидат экономических наук, доцент, кафедра истории экономической науки, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, 117997, Москва, Стремянный переулок, 36, e-mail: va1125@mail.ru.

Author

Shchegolevsky, Valentin Aleksandrovich — PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economic Science History, Plekhanov Russian University of Economics, 36, Stremyanny per., Moscow, 117997, Russian Federation, e-mail: va1125@mail.ru.

Библиографическое описание статьи

Щеголевский В. А. Научное наследие К. Маркса и Ф. Энгельса в новом осмыслении / В. А. Щеголевский // Историко-экономические исследования. — 2015. — Т. 16, № 1. — С. 7-21. — DOI : 10.17150/2308-2588.2015.16(1).7-21.

Reference to article

Shchegolevsky V. A. The scientific heritage of K. Marx and F. Engels: a new understanding. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2015, vol. 16, no. 1, pp. 7-21. DOI: 10.17150/2308-2588.2015.16(1).7-21. (In Russian).